РАЗДЕЛ XI. СОЦИОЛОГИЯ

Руденкин Д.В.

**Осознаваемый и неосознаваемый вандализм российской городской молодежи:
опыт социологического анализа***Уральский Федеральный Университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
(Россия, Екатеринбург)*

doi: 10.18411/lj-30-09-2017-35

idsp: 000001:lj-30-09-2017-35

Аннотация

Работа посвящена проблеме вандальных практик российской городской молодежи. На основе анализа существующей научной литературы автор приходит к выводу, что современная социальная реальность создает благоприятные условия для развития молодежного вандализма. Однако нет убедительных доказательств того, что молодежь осознает свои деструктивные действия именно как вандализм. Опираясь на данные собственного социологического исследования, автор приходит к выводу, что многие молодые горожане трактуют проявления вандализма очень гибко и в результате совершают вандальные действия, не воспринимая их в качестве таковых/ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №17-18-01278).

Ключевые слова: молодежь, городская молодежь, российская молодежь, вандализм, социологическое исследование

Abstract

This paper is devoted to the problem of vandalism of Russian urban youth. Using the analysis of contemporary scientific literature, the author makes a conclusion, that modern social reality makes appropriate conditions for the young people's vandal activity. However, there is no obvious evidence, that young people consider their destructive behavior as a kind of vandalism. Basing on the data of his own sociological research, the author makes a conclusion, that many young people have a very flexible understanding of vandalism and do not see their own activity as an example of vandalism. The research was supported by the Russian Science Foundation (project № 17-18-01278).

Keywords: youth, urban youth, Russian youth, vandalism, sociological research

Вандальные действия молодых людей, как и в целом практики их девиантного поведения, стабильно привлекают внимание исследователей, работающих в русле социологии молодежи. Подобным вопросам были посвящены работы классиков молодежных исследований (К. Джулиан [3], Т. Парсонс [8], Ш.Эйзенштадт [2] и др.). Они же находят отражение и в более современных работах (что видно по трудам, например, Г. Бейзмора [1] Е.Л. Омельченко [7], И.В. Старовой [9] и др.). Устойчивость этого научного интереса закономерна. Вандализм, который может быть определен как «несанкционированный акт деструктивного поведения, выражающийся в нанесении намеренного или непреднамеренного нанесения ущерба объектам, не принадлежащим субъекту вандализма [6, с. 152], действительно является одной из таких социальных патологий, которые проявляются у самых разных поколений молодежи. В свою очередь, устойчивость этой молодежной патологии обусловлена, по-видимому, тем, что вандальное поведение становится одним из инструментов, с помощью которых молодежь отвечает на внутриличностные и средовые вызовы [5, с. 100-105]. Иными словами, как устойчивость проблемы молодежного вандализма, так и стабильность социологического интереса к ней вполне закономерны.

Современные исследователи при этом часто отмечают, что актуальная ныне социальная реальность создает более благоприятные условия для распространения вандального поведения молодежи, нежели прошлые эпохи. Показательна в этом смысле гипотеза, обозначенная А.С. Ватовой, согласно которой происходящая смена традиционных ценностей и ориентация на инноватику в социальных отношениях, пропаганда насилия средствами массовой информации, редукция воспитательных воздействий в семье и в системе образования и возникающая депривация молодежи в полезных видах деятельности создают крайне благоприятную почву для повышенной интенсивности именно вандальных форм молодежной активности [4]. Аргументы, которые приводят сторонники подобных версий, прозрачны и убедительны, а потому мы бы хотели воздержаться в данном случае от прямой полемики с обозначенной точкой зрения. Тем не менее, как мы полагаем, рассуждения о том, что современная действительность создает повышенную благоприятность для актуализации молодежного вандализма, требуют внимания к немаловажной частной детали – степени осознанности того самого вандализма, который в данном случае проявляется в действиях молодежи. Важность этой, казалось бы, частной детали очень велика: ведь вандальное действие, в основе которого лежит обычное невежество, может существенно отличаться и по вектору, и по смыслу, от другого вандального действия, совершенного с намеренной деструктивной целью. Ниже мы остановим свое внимание именно на вопросе осознанности вандального поведения современных представителей российской городской молодежи.

В своих рассуждениях мы опираемся на результаты собственного социологического исследования, выполненного на базе Уральского государственного педагогического университета в период с мая по июль 2017 г. Непосредственной эмпирической базой для работы послужил анкетный опрос, реализованный среди представителей молодежи г. Екатеринбурга. Всего в ходе исследования были опрошены 304 представителя молодежи в возрасте от 18 до 30 лет. Для отбора респондентов использовалась квотная выборка по полу, возрасту и оценке материального положения. Данные собирались при помощи сервиса Google-docs и обрабатывались с применением статистического приложения Vortex. Диагностика осознанности вандального поведения молодежи выполнялась нами с помощью серии вопросов. Во-первых, мы напрямую спрашивали респондентов о том, считают ли они, что периодически совершают вандальные действия. Во-вторых, мы просили респондентов выбрать из заранее предложенного перечня те действия, которые, по их мнению, являются разновидностями вандального поведения. В-третьих, используя тот же перечень, мы просили опрошенных обозначить примерную частоту совершения ими каждого из действий за последний год. Проведенный анализ показал два примечательных факта.

Первый вывод. Примерно трети опрошенных присущ неосознаваемый вандализм. Только 1,3% опрошенных указывают на то, что имеют опыт совершения таких действий, которые считают вандальными. При этом объективная картина совершения опрошенными действий, потенциально причисляемых к вандальным, выглядит иначе. Обобщая ответы на вопрос об интенсивности совершения конкретных действий, мы видим, что 32,6% респондентов имеют опыт совершения как минимум одного из вандальных действий не реже нескольких раз за последний год (См. Рис. 1). Важно понимать, что явное большинство опрошенных и правда не имеют опыта совершения тех действий, которые могут трактоваться как вандализм: более 60% опрошенных не совершали подобных действий в принципе. Однако этот контраст все равно свидетельствует о том, что для относительно большого числа молодых людей вандализм не осознан: они совершают вандальные действия, но не воспринимают их в качестве таковых.

Рисунок 1. Реальный опыт вандального поведения опрошенных и его считаваемая самооценка

Второй вывод. Вандальная коннотация различных действий для молодежи крайне вариативна. Весь репертуар действий, которые логически могут быть отнесены к проявлениям вандализма, на основе ответов респондентов можно классифицировать на три группы (См. Рис. 2):

- Группа 1. Табуированные практики. Действия, которые явно воспринимаются как вандализм и практически не совершаются. К данной группе действий относятся создание проходов в заборе, нанесение надписей на стенах, нанесение граффити, выгул собак на не отведенной для этого территории и взлом страниц в социальных сетях. Эти действия составляют собой своего рода ядро негативной интерпретации опрошенными вандализма. Все они воспринимаются как явный вандализм и совершаются крайне редко.
- Группа 2. Осуждаемые практики. Действия, которые воспринимаются как вандализм, но совершаются. К данной группе можно причислить расклейку объявлений на деревьях или стенах, а также нанесение надписей на парты. Эти действия отличает то, что практически равные доли людей отнесли их проявлениям вандализма и признали, что имеют опыт их совершения. Фактически про них можно сказать, что определенная доля людей склонна совершать их, хотя и понимает, что они являются чем-то вандальным, предосудительным.
- Группа 3. Приемлемые практики. Действия, которые совершаются, но не воспринимаются как проявления вандализма. В данной группе выделяются вытаптывание тропинок на газоне, бросание монеток в водоемы и распространение заведомо недостоверной информации о других людях. По сути все эти действия являются частью вполне привычного большинству опрошенных повседневного быта и не считаются как явные проявления вандализма. Их отличительная особенность в том, что, хотя все они и являются разновидностями вандального поведения и совершаются опрошенными довольно регулярно, субъективное восприятие респондентов трактует их как нечто нормальное, не относящееся к тому девиантному полю, в котором для них находится вандализм.

В целом проведенный в ходе исследования анализ показывает необходимость использования дифференцированных и многомерных аналитических моделей для концептуализации вандализма современной городской молодежи. Молодежный вандализм по итогам исследования предстает явлением запутанным и многогранным. С одной стороны, многие представители молодежи совершают вандальные действия, не считывая их как что-то предосудительное. С другой стороны, разные действия вызывают разные модальности оценок: если одни поступки просто табуируются и однозначно осуждаются, то к другим складывается скорее толерантное, лояльное или даже ободряющее отношение. Поэтому, признавая справедливость гипотезы о том, что

современная социальная реальность действительно создает много предпосылок для актуализации практик молодежного вандализма, мы все же склоняемся на основе своего исследования к тому, что эта актуализация вандальных практик представляет собой очень неравномерный процесс. И более или менее точное понимание его будет возможно на основе более частных эмпирических замеров, характеризующих факторы, которые влияют на осознанность вандального поведения молодежи.

Рисунок 2. Сопоставление действий, считываемых опрошенными как вандализм и действий, совершенных ими не менее нескольких раз за последний год

1. Bazemore G. Young people, Trouble, and Crime: Restorative Justice as a Normative Theory of Informal Social Control and Social Support // *Youth & Society*, Vol. 33, (2001). P. 199-226.
2. Eisenstadt S. Changing Patterns of Youth Protest in Different Stages of Development of Modern Societies // *Youth & Society*, Vol. 1, No. 2 (1969). P. 133-150.
3. Gulian C.I. Contemporary Youth and the Growth of Personality // *Youth & Society*, Vol. 2, (1970). P. 233-246.
4. Ватова Л.С. Социально-психологический феномен молодежного вандализма // *Среднее профессиональное образование*. 2009. № 3. С. 25-26
5. Кружкова О.В., Воробьева И.В. Психология городской среды: монография. Екатеринбург. Изд-во Рос. гос. проф-пед. ун-та. 2012. – 244 с. С. 100-105
6. Кружкова О.В., Девятковская И.В. Организационный вандализм: к проблеме деструктивного поведения персонала // *Сибирский психологический журнал*. 2017. № 63. С. 150-169. С. 152
7. Омельченко Е.Л. Субкультуры и культурные стратегии на молодежной сцене XX века: кто кого? // *Неприкосновенный запас*. 2004. № 36. [электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2004/4/om8.html>
8. Парсонс Т. Общетеоретические проблемы социологии // *Социология сегодня: Проблемы и перспективы: Американская буржуазная социология середины XX века: Сокр. пер. с англ. / Общ. ред. и предисл. Г.В. Осипова*. М.: Прогресс, 1965. С. 58-65.
9. Староверова И.В. Факторы девиации сознания и поведения российской молодежи // *Социологические исследования*. 2009. № 11. С. 107-117.